

Нормандская шутка / новелла

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Нормандская шутка / новелла НОРМАНДСКАЯ ШУТКА

А. де Жуэнвиллю.

Процессия двигалась по выбитой дороге, под сенью высоких деревьев, росших по откосам, на которых были разбросаны фермы. Впереди шли новобрачные, за ними родственники, далее гости, наконец местные бедняки; мальчишки носились вокруг процессии, как мухи, протискивались в ее ряды, влезали на деревья, чтобы лучше видеть.

Новобрачный, Жан Патю, красивый малый и самый богатый фермер в округе, был прежде всего завзятым охотником, он забывал всякое благоразумие ради удовлетворения этой страсти и тратил кучу денег на собак, сторожей, хорьков и ружья.

За новобрачной, Розали Руссель, настойчиво ухаживали все окрестные женихи, так как находили ее привлекательной к знали, что за нею хорошее приданое; она выбрала Патю, быть может потому, что он нравился ей больше других, а скорее всего – как и подобало рассудительной нормандке – потому, что у него было больше денег.

Когда они обогнули высокий забор мужниной фермы, раздалось сорок ружейных выстрелов, но стрелков не было видно: они спрятались в канавах. При этом грохоте мужчинами овладела бурная веселость, и они стали тяжело приплясывать в своих праздничных одеждах, а новобрачный, оставив жену, бросился к слуге, которого заметил за деревом, выхватил у него ружье и выстрелил сам, резвясь, как жеребенок.

Затем процессия возобновила свой путь, следуя мимо яблонь, уже отягощенных плодами, по нескошенной траве, среди телят, которые таращили огромные глаза, медленно поднимались и стояли, вытянув морды к проходившим.

Приближаясь к дому, где ждал обед, мужчины становились серьезнее. Одни из них, побогаче, нарядились в блестящие

шелковые цилиндры, казавшиеся чем-то чужеземным в этом месте; на других были старые широкополые шляпы с длинным ворсом, словно сделанные из кротовых шкурок; самые бедные были в картузах.

У всех женщин были шали, наброшенные на спину, концы которых они церемонно поддерживали руками. Эти шали были пестрого, красного и огненного цвета, и их яркость, казалось, приводила в изумление черных кур на навозных кучах, уток в лужах и голубей на соломенных крышах.

Вся зелень деревни, зелень травы и деревьев, словно стремилась не уступать этому пламенеющему пурпуру, и оба цвета, соприкасаясь друг с другом, становились еще ослепительнее под лучами полуденного солнца.

Там, где кончался свод яблоневых ветвей, стояла, как бы в ожидании, большая ферма. Из раскрытых окон и дверей валил пар, густой запах съестного шел из всех отверстий обширного здания, от самих его стен.

Вереница приглашенных змеей вилась по двору. Передние, дойдя до крыльца, разрывали цепь, разбредались, между тем как в распахнутые настежь ворота продолжали входить все новые и новые. Канавы были теперь усеяны мальчишками и любопытными из бедняков; ружейные выстрелы не прекращались, раздаваясь со всех сторон сразу, оставляя в воздухе пороховой дым и запах, пьянящий, как абсент.

У входа женщины стряхивали пыль с платьев, развязывали длинные яркие ленты шляп, снимали шали, перекидывали их через руку и входили в дом, чтобы окончательно освободиться там от этих украшений.

Стол был накрыт в большой кухне, которая могла вместить человек сто.

За обед сели в два часа. В восемь часов вечера еще ели. Мужчины, в расстегнутых жилетах, без сюртуков, с покрасневшими лицами, поглощали яства, как бездонные бочки. Желтый, прозрачный, золотистый сидр весело искрился в больших стаканах наряду с кроваво-темным вином.

Между каждым блюдом, по нормандскому обычаю, делали передышку, пропуская стаканчик водки, вливавшей огонь в жилы и придурь в

головы.

Время от времени кто-нибудь из гостей, наевшись до отвала, выходил под ближайшие деревья и, облегчившись, возвращался к столу с новым аппетитом.

Фермерши, багровые, еле дышавшие, в раздутых наподобие пузырей лифах, перетянутые корсетами, из стыдливости не решались выходить из-за стола, хотя их подпирало сверху и снизу. Но одна из них, которой стало совсем невмоготу, вышла, и за ней последовали все остальные. Они возвратились повеселев, готовые опять хохотать. И тут-то начались тяжеловесные шутки.

Через стол перелетали залпы сальностей – все по поводу брачной ночи. Весь арсенал крестьянского остроумия был пущен в ход. Лет сто одни и те же непристойности неизменно служат в подобных случаях и, несмотря на свою общеизвестность, по-прежнему возбуждают среди гостей взрывы хохота.

Один седовласый старик провозгласил: «Кому в Мезидон, пожалуйста в карету!» И последовали вопли веселья.

На конце стола четыре парня, соседи, готовили новобрачным шутки и, видимо, придумали что-то удачное, до того они топали ногами, перешептываясь.

Один из них, воспользовавшись минутой тишины, вдруг крикнул: – Уж и потешатся сегодня ночью браконьеры, да еще при такой луне!.. Ведь ты, Жан, не этой луной любоваться будешь?

Новобрачный быстро обернулся:

– Пусть попробуют только сунуться!

Но тот расхохотался:

– Чего ж им не прийти, ты ведь, небось, ради них не бросишь своего дела!

Весь стол задрожал от смеха. Затрясся пол, зазвенели стаканы.

Новобрачный пришел в ярость при мысли, что его свадьбой могут воспользоваться, чтобы браконьерствовать на его земле.

– Говорю тебе: пусть только сунутся!

Тут хлынул целый ливень двусмысленных шуток, заставивших слегка покраснеть новобрачную, трепетавшую от ожидания.

Наконец, когда выпито было несколько бочонков водки, все пошли спать; молодые отправились в свою комнату, находившуюся, как все комнаты на фермах, в нижнем этаже, а так как в ней было

немного жарко, они отворили окно и закрыли ставни. Маленькая безвкусная лампа, подарок отца молодой, горела на комод; постель готова была принять новую чету, вовсе не стремившуюся обставлять свои первые объятия буржуазным церемониалом горожан.

Молодая женщина уже сняла головной убор и платье и, оставшись в нижней юбке, снимала башмаки, в то время как Жан докуривал сигару, искоса поглядывая на свою подругу.

Он следил за нею масляным взглядом, скорее похотливым, чем нежным, потому что не столько любил, сколько желал ее, и вдруг резким движением сбросил с себя одежду, словно собираясь приняться за работу.

Она развязала ботинки и теперь снимала чулки; обращаясь к нему на «ты», как к другу детства, она сказала:

– Спрячься на минуту за занавеску, пока я не лягу в постель.

Он сделал было вид, что не хочет, затем пошел с лукавым видом и скрылся за занавеской, высунув, однако, голову. Она смеялась, хотела завязать ему глаза, и они играли так, любовно и весело, без притворной стыдливости и стеснения.

Чтобы кончить с этим, он уступил; тогда она мгновенно развязала последнюю юбку, которая, скользнув вдоль ее ног, упала плоским кругом на пол. Она оставила ее на полу и, перешагнув через нее, в развевающейся рубашке нырнула в постель; пружины взвизгнули под ее тяжестью.

Он тотчас же подошел, тоже уже разувшись, в одних брюках, и нагнулся к жене, ища ее губ, которые она прятала от него в подушку; но в этот миг вдали раздался выстрел, как ему показалось в направлении леса Рапе.

Он выпрямился, встревоженный, с бьющимся сердцем, и, подбежав к окну, распахнул ставень.

Полная луна заливала двор желтым светом. Тени от яблонь лежали черными пятнами у подножия стволов, а вдали блестели поля спелых хлебов.

В ту минуту как Жан высунулся из окна, вслушиваясь во все ночные звуки, две голые руки обвились вокруг его шеи, и жена, увлекая его в глубь комнаты, прошептала:

– Брось, что тебе до этого, пойдем.

Он обернулся, схватил ее, сжал в объятиях, ощущая ее тело сквозь тонкое полотно рубашки, и, подняв ее своими сильными руками, понес к их ложу.

В ту минуту, как он опустил ее на постель, осевшую под тяжестью, опять раздался выстрел, на этот раз ближе.

Тогда Жан закричал, весь дрожа от бурной злобы:

– Черт возьми! Они думают, что я не выйду из-за тебя?.. погоди же, погоди!

Он обулся и снял со стены ружье, всегда висевшее на уровне его руки; испуганная жена цеплялась с мольбой за его колени, но он живо высвободился, подбежал к окну и выпрыгнул во двор.

Она ждала час, другой, до рассвета. Муж не возвращался. Тогда, потеряв голову, она созвала людей, рассказала им, как рассердился Жан и как погнался за браконьерами.

Тотчас же слуги, возчики, парни – все отправились на поиски хозяина.

Его нашли в двух лье от фермы, связанного с головы до ног, полумертвого от ярости, со сломанным ружьем, в вывороченных наизнанку брюках, с тремя мертвыми зайцами вокруг шеи и с запиской на груди: «Кто уходит на охоту, теряет свое место».

Впоследствии, рассказывая о своей брачной ночи, он прибавлял:

– Да, уж что говорить, славная это была шутка! Они, негодные, словили меня в силки, как кролика, и накинули мне на голову мешок. Но берегись, если я когда-нибудь до них доберусь!

Вот как забавляются на свадьбах в Нормандии.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 8 августа 1882 года под псевдонимом Мофриньёз.

А. де Жуэнвиль – один из друзей молодости Мопассана, разделявший его увлечение гребным спортом.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 2. МП «Аурика», 1994

Перевод А.Н. Чеботаревской. Neкаýalar